

*Линдси Роуз, стараниями которой
все поезда ходили вовремя, а дела ладились
с неизменным изяществом и успехом.
Поздравляю с новым проектом!*

ГЛАВА 1

В этот бодряще-холодный погожий осенний вечер Амос Декер находился в окружении мертвых тел. Однако не было ощущения синего электрического света, которое обычно посещало его при встречах с усопшими.

Тому имелась веская причина: ни одну из этих смертей нельзя было назвать *недавней*.

Он снова находился в своем родном Берлингтоне, штат Огайо, — старом фабричном городке, знававшем лучшие времена. Перед этим не так давно он побывал еще в одном городе Ржавого пояса¹ — Бэронвилле, штат Пенсильвания, где едва разминулса со смертью². В следующий раз таких минных полей не надо бы, а лучше и по гроб жизни.

Только сейчас выбора не было.

В Берлингтоне Декер находился потому, что его дочери Молли исполнилось четырнадцать. При нормальных обстоятельствах это было бы счастливое семейное событие, повод вместе поспрадовать. Но Молли была мертва. Убита вместе с его женой Кэсси и шурином Джонни Саксом. Это роковое событие произошло незадолго до ее десятого дня рождения, когда Декер нашел Молл мертвой в их доме.

Ушла навсегда. Безвозвратно вырванная из жизни самым вопиющим образом; силой воспаленного покореженного ума, одержимого адской тягой к насилию. Их убийца

¹ Индустриальный район на северо-востоке США, пришедший в упадок после переноса производств в страны третьего мира, начавшегося в 1970-е.

² Отсылка к событиям романа Болдаччи «Падшие».

среди живых тоже больше не значился, но это совершенно не утешало, хотя Декер немало сил положил на то, чтобы та гнусная жизнь оборвалась.

Вот почему его визит в день рождения происходил на кладбище. Без торта, без подарков. Лишь свежие цветы на могиле взамен тех, что давно отжили свое после предыдущего посещения.

Для себя он решил, что будет бывать здесь на каждую годовщину дочери, пока не воссоединится со своей семьей двумя метрами ниже. Таков был долгосрочный план; во всяком случае, ни о каком другом не думалось.

Кашлянув, он чуть сместился на деревянной, окованной железом скамейке рядом с двумя могилами (дочь лежала рядом с матерью). Скамейка — дар от полицейского управления Берлингтона, где Декер когда-то тянул службу, сначала патрульным копом, а затем детективом убийного отдела. На потускневшем от непогоды металле виднелась медная табличка с надписью: *«В память о Кэсси и Молли Декер»*.

Больше на укромном кладбище не было никого, кроме коллеги Декера по ФБР Алекс Джеймисон. На десять с лишним лет моложе Декера, уже давно разменявшего пятый десяток, она сейчас стояла на почтительном расстоянии, давая ему побыть одному, в безмолвном свидании со своей семьей.

В свое время Джеймисон подвизалась журналисткой, ну а теперь была полноправным, чин по чину приведенным к присяге спецагентом ФБР, с академией Куантико¹ за плечами. По предварительной договоренности ее сразу же отправили обратно в опергруппу, где они с Декером служили вместе с двумя другими бывальыми агентами, Россом Богартом и Тоддом Миллиганом.

Сидя возле родных могил, Декер тихо клял свою гипертимию². Спорное это достоинство оказалось буквально

¹ Главный учебный центр ФБР.

² Выдающиеся способности по запоминанию и воспроизведению информации; ср. название первого романа Болдаччи об Амесе Декере, «Абсолютная память».

ИСКУПЛЕНИЕ

вколочено в него страшным слепящим ударом на поле, во время матча НФЛ¹. Из комы после черепно-мозговой травмы Декер вышел со способностью досконально помнить все до мелочей. Свойство, казалось бы, замечательное, но у него была явно и другая, обратная сторона: ничего не забывать.

Ход времени для него ни в коей мере не способен был заглушить детали мучительных воспоминаний. В том числе и те, которые он сейчас с новой силой переживал. Судя по невероятной, беспощадной точности памяти об обстоятельствах их смерти, Кэсси и Молли могли быть погребены не четыре года назад, а сегодня.

Эти имена и надписи на надгробиях были ему известны досконально. Придя сюда с тем многим, что бы ему хотелось поведать родным, он теперь неизъяснимо страдал от полной неспособности выговорить, вышептать хоть что-либо.

Впрочем, это можно и объяснить. Черепно-мозговая травма, непрощено давшая ему прекрасную память, изменила и его личность. Навыки общительности у Декера с некогда высокого уровня опустились, прямо скажем, ниже среднего. Ему было трудно выражать свои эмоции и просто общаться с людьми.

Вначале перед его мысленным взором возник образ дочери, отчетливый и ясный, — кудряшки, щечки, мило приподнятые в улыбке. Затем очертился облик Кэсси, жены, — якоря всей семьи; именно она не давала Декеру погрязать в своем состоянии, заставляла общаться с другими людьми, быть как можно ближе к себе прежнему.

Он болезненно поморщился. Поистине физическую боль вызывало столь близкое расстояние от них: они были мертвы, а он вот нет. Нередко, и даже часто бывало так, что ему становилось просто невольно уживаться с такой двойственностью. Декер поглядел туда, где метрах в тридцати, прислонясь к охватистому дубу, отрешенно стояла Джеймисон. Хороший друг, прекрасная коллега, да вот беда — абсолютно бессильная помочь ему в нахлынувших переживаниях.

¹ Национальная футбольная лига.

Он снова повернулся к могилам, опустил на одно колено и стал раскладывать на надгробии охапку принесенных цветов, заботливо распределяя их поровну.

— Амос Декер?

Декер поднял глаза: к нему медленно брел пожилой мужчина. Он словно материализовался из сумрака удлиняющихся теней, а по мере приближения и вовсе начинал казаться неким призраком — изможденный, с запавшими чертами, землистым лицом.

Джеймисон заметила того человека раньше, чем Декер, и решительным шагом направилась в их сторону. Собственно, это вполне мог быть кто-то из местных, может, даже знакомый Декера. Хотя поди разбери. К тому же не секрет, что вокруг Амоса Декера то и дело заваривалась какая-нибудь чертовщина. Рука женщины тихо потянулась к кобуре у правого бедра, ближе к пистолетной рукоятке — так, на всякий случай. Декер внимательно оглядел старикана. Если не брать во внимание болезненность, в шарканье этого типа угадывалось что-то знакомое; нечто, на что у полицейского наметан глаз. И дело здесь не в возрасте или немоции. Это была походка человека, привыкшего носить на себе кандалы при перемещении — так сказать, следовании из пункта А в пункт Б.

«*Бывший сиделец*», — мысленно прикинул Декер.

И было еще кое-что. Иногда в такие моменты проявлялся также цвет, связанный с тем или иным человеком. Еще одно проявление синестезии¹, вызывавшее у Декера произвольное сочетание цветов с бессвязными на первый взгляд вещами, такими как смерть или числа.

С этим стариканом почему-то ассоциировался цвет бордо. Что-то новенькое.

«*А вообще бордо — это что?*»

— Вы кто будете? — спросил он, поднимаясь и отряхивая с колен травяные ошметки.

¹ Постоянное наложение на один вид ощущений других видов ощущений, в норме никак с ним не связанных; самый распространенный пример — стойкие ассоциации объектов и понятий с разными цветами и оттенками, которыми сами они не обладают и не могут обладать.

ИСКУПЛЕНИЕ

— Не признал? А впрочем, чему тут удивляться. Для вас арестанты все на одно лицо. А от меня тебе спасибо за отсидку.

«Точно, сиделец».

Все это слышала и Джеймисон, ускоряя шаг. Она уже и пистолет наполовину вытащила из опасения, как бы этот старик не явился сюда для сведения счетов. За годы службы Декер упрятал за решетку много кого. И этот тип, очевидно, один из них.

Когда старик остановился в паре метров, Декер окинул его взглядом. Сам он был ростом под два метра, а стрелка весов под ним плясала у отметки «130». При поддержке Джеймисон и ее подстегивании насчет спорта и здорового питания он за последние два года сбросил больше сорока кило. Большой «худобы» вряд ли уже достичь.

У старика рост был примерно метр восемьдесят, а веса не набиралось и семидесяти; шестьдесят пять от силы. В ширину — как распиленная вдоль доска. Кожа вблизи казалась хрупкой, как старый пергамент, того и гляди разлезется.

Звучно вобрав горлом слизь и слюну, старикан повернул голову и святотатственно харкнул на кладбищенскую землю.

— Пряма-таки не узнаешь? У тебя ж вроде глаз-алмаз, а память как у фотоаппарата?

— Кто тебе это сказал? — насторожился Декер.

— Твоя старая напарница.

— Мэри Ланкастер?

Старикан кивнул:

— Она мне выдала и то, что тебя можно застать здесь.

— Что ее на это подвигло?

— Я Мерил Хокинс, — произнес старикан тоном, будто объясняющим здесь его присутствие.

У Декера приотвисла челюсть. Хокинс на это ослабил-ся, хотя улыбка не коснулась его глаз. Выцветшие и неподвижные, они едва теплились огоньком жизни.

— Ну что, вспомнил теперь?

— Как ты очутился на свободе? У тебя же пожизненный, без УДО.

Между ними властно встала подоспевшая Джеймисон.

— А это Алекс Джеймисон, твоя новая напарница, — кивком указал на нее Хокинс. — О ней Ланкастер тоже мне рассказывала.

Он опять перевел взгляд на Декера:

— Отвечая на твой вопрос. В тюрьме я больше не сижу, потому что у меня рак в последней стадии. Самый дрянной, поджелудочной. Люди живут от силы пять лет, но мне и это не светит. Всякая там химия, облучение и прочее дерьмо, которые мне к тому же не по карману. — Он дотронулся до своего лица. — Еще и желтуха. Так что, видишь, поздняк метаться. Ну и метастазы, само собой. Громкое словцо, а означает, что рак сжирает меня со всех концов. Теперь вот и мозг тоже. Последний, стало быть, иннинг¹. Я уже не жилец, однозначно. Неделя от силы, и загнусь к чертям собачьим.

— И что, это причина для выхода на свободу? — усмехнулась Джеймисон.

Хокинс пожал плечами:

— Это именуется «освобождением из соображений гуманности». Обычно заявление на него подает заключенный, но ко мне в камеру они пришли сами, с бумагами. Я заполнил, они позвали врачей, чтобы одобрили, и вот вам пожалуйста. Государство, стало быть, не пожелало оплачивать счета за мое лечение. Я сидел в одной из тех частных тюрем. Они выставляют счет штату, а кто будет возмещать? Все дорожает, растет в цене. Наносит урон их бюджету. Меня теперь считают безобидным. За решетку я угодил, когда мне было пятьдесят восемь. А сейчас мне семьдесят. Хотя выгляжу на все сто. Накачан препаратами для того лишь, чтобы волочить ноги и разговаривать. Как уйду отсюда, меня несколько часов будет выворачивать наизнанку, а потом наглотаюсь таблеток, чтоб хоть ненадолго заснуть.

Джеймисон рассудила:

— Если вы принимаете обезболивающее по рецепту, значит, какая-то помощь вам все же оказывается.

¹ В бейсболе и его разновидностях — отдельный период матча.

ИСКУПЛЕНИЕ

— Я разве сказал, что они *по рецепту*? Все вовсе не так, как кажется. Хотя мне именно это по душе. Только б снова не загреметь в тюрьму за то, что покупаю наркоту с улицы. Слишком большая, понимаешь ли, цена. — Улыбка съездила его желтушное лицо. — Знал бы я это раньше, то давно бы закосил.

— Вы хотите сказать, что вам вообще нет никакой помощи на свободе? — недоверчиво спросила Джеймисон.

— Говорят, в какой-нибудь хоспис меня б еще, может, и взяли, но как туда попасть? Да и не хочу я туда. Я хочу быть здесь. — Хокинс взглядом кольнул Декера.

— Чего ты от меня хочешь? — спросил тот.

— Ты упек меня за решетку, — обличительно ткнул в него пальцем Хокинс. — Но ты ошибся. Я невиновен.

— Так все говорят, — едко заметила Джеймисон.

Хокинс пожал плечами:

— Все меня не заботят. Только я сам. — Он поглядел на Декера. — Ланкастер тоже считает меня невиновным.

— Не верю, — сказал Декер.

— А ты ее спроси. Она потому и сказала мне, где тебя искать.

Он приутих и поглядел на гаснущее небо.

— У тебя еще есть шанс все исправить. Может, ты сможешь это сделать, покуда я еще жив и брыкаюсь. А если нет, то и ладно. Главное, чтобы ты к этому пришел. Таково будет мое наследство, — добавил он со слабой усмешкой.

— Он теперь в ФБР, — вклинилась Джеймисон. — Берлингтон и ваше дело в его епархию больше не входят.

Хокинс растерянно развел руками.

— Я слышал, ты ратуешь за правду, Декер. Неужели я ослышался? Если так, то жаль: такой долгий путь проделан впустую.

Не услышав ответа, Хокинс вынул клочок бумаги.

— Я буду в городе еще два дня. Вот адрес. Может, свидимся, может, нет. От тебя зависит. Но если не придешь, то на тебе повиснет здоровенный хер с того света.

Декер взял бумажку, по-прежнему не говоря ни слова.

Хокинс взглянул на два одинаковых надгробия.

— Ланкастер рассказывала мне о твоей семье. Рад, что ты нашел их убийцу. Но полагаю, что ты так и живешь с ощущением вины, хотя на тебе ее нет. Мне это, черт возьми, понятно, как никому другому.

Хокинс повернулся и, удаляясь, медленно побрел между могилами, пока темнота не поглотила его целиком.

Джеймисон резко повернулась к Декеру:

— Ладно. Пускай я ничего об этой истории не знаю, но все равно бред сивой кобылы. Он просто дразнит тебя, беря чувство вины. Не могу поверить, чтобы этот тип просто так явился сюда и подлез, улучив момент, когда ты пытался... увидаться со своей семьей.

Декер опустил взгляд на листок бумаги. По лицу было ясно, что душу ему берedit некое сомнение.

Джеймисон наблюдала с безропотным видом.

— Ты, наверное, думаешь с ним увидаться?

— Нет. Пока не повидаюсь еще кое с кем.

ГЛАВА 2

Декер одиноко стоял на крыльце. Джеймисон он попросил с ним не ехать. Этот визит лучше было совершить в одиночку по ряду причин.

На этом полувековом двухуровневом ранчо ему помнилось каждый дюйм. Не только из-за фотографической памяти, но и потому, что этот дом был почти точной копией того, в котором он сам когда-то жил со своей семьей.

Мэри Ланкастер, ее муж Эрл и дочь Сэнди жили здесь с той поры, как Ланкастер начала службу в полиции Берлингтона, в той же должности, что и Декер. Эрл был подрядчиком, но работал с перерывами из-за того, что Сэнди была ребенком с особенностями, а значит, требовала много родительского времени и внимания. Так что Мэри долгое время была в семье главной добытчицей.

Декер подошел к двери. Еще немного постояв, собирался постучать, но та открылась сама.

ИСКУПЛЕНИЕ

На пороге стояла Мэри в линялых джинсах, алой толстовке и темно-синих кроссовках. Когда-то волосы у нее были светло-русыми. Теперь пегие седины неопрятно свисали ей на плечи. В одной руке у нее тлела сигарета, пуская нитку дыма вверх по худому бедру. Лицо в сети мелких морщинок, как увеличенный отпечаток пальца. С Декером она была одного возраста, но выглядела на десяток лет старше.

— Надо же. Я как чувствовала: сегодня вечером повидаемся, — скрипнула она сипотцой курильщицы. — Входи давай.

Он тайком глянул, не подрагивает ли у нее левая рука (раньше Мэри сжимала его пистолет). Вроде незаметно.

«Ладно, в целом неплохо».

Мэри Ланкастер повернулась, и он, прикрыв дверь, вслед за ней последовал в дом. Учитывая разницу в росте, Мэри напоминала буксир, ведущий грузовое судно к причалу. Или же на скалы, в зависимости от того, как все обернется. Исход пока неясен.

От глаза не укрывалось и то, что Ланкастер, и так-то худая, сейчас смотрелась еще более изнуренно. Мослы под свободной одеждой торчали угловато, будто туда засунули несколько вешалок.

— Что, жвачка перестала действовать? — поинтересовался он, глядя на огонек сигареты.

Они сидели в гостиной — небольшом пространстве, тесноватом из-за наваленных игрушек, стопок журналов и газет, каких-то коробок (чего здесь только не было, хлама хоть отбавляй). Собственно, ее дом никогда не отличался ухоженностью. Незадолго до отъезда Декера Ланкастеры обзавелись домработницей, но это, видимо, породило целый ряд новых неурядиц. И тогда супруги, вероятно, решили, что лучше жить запинаясь о вещи — неопратно, зато привычно.

Мэри затянулась своим «Кэмелом» и пустила ноздрями синеватые струйки дыма.

— Так, позволяю себе раз в день, примерно в это время, и только когда Эрла с Сэнди нет дома. А потом освежителем все насквозь пропшикиваю.

На попытке сделать глубокий вдох Декер закашлялся.